

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ТРУДАХ М.Г. ХУДЯКОВА

Проблемы развития татарской культуры и вопросы межкультурного взаимодействия

Жизненный и творческий путь М.Г. Худякова – исследователя истории и культуры народов Поволжья тесно связан с крупными научными и образовательными центрами России. Детство и юность его прошли в многонациональном Малмыжском уезде Вятской губернии, фундаментальное образование будущий ученый получил в казанской гимназии и университете. Здесь же он осуществил свои первые серьезные шаги на научном поприще. М.Г. Худяков по праву считается одним из самых активных инициаторов создания и развития в Татарстане музейной сети, превращения этих культурно-просветительных организаций в сильные научно-исследовательские учреждения. М.Г. Худяков находился у истоков научного

татароведения, внес огромный вклад в изучение истории Казанского ханства, духовной и материальной культуры татарского народа. Анализ творческого наследия ученого позволил нам прийти к следующим выводам:

М.Г. Худяков одним из первых в российской историографии попытался преодолеть определенную тенденциозность в оценке истории Волжской Булгарии и Казанского ханства, выступил первым серьезным исследователем внутреннего устройства, социально-экономической и политической жизни, внешней политики, культуры средневекового татарского государства. Трудом его жизни можно назвать фундаментальное исследование «Очерки по истории Казанского ханства», до сих пор являющееся единственной в своем роде научной монографией, детально рассматривающей основные этапы его становления и развития, особенности существования и взаимодействия с Русским государством.

Ученый оставил интереснейшие наблюдения о генезисе татарской материальной культуры, выразившейся в оригинальной архитектуре,

замечательных археологических памятниках. Опираясь на различные источники, он попытался воссоздать ландшафт и облик древней Казани, поражавшей современников своим богатством и изысканным восточным колоритом. М.Г. Худяков справедливо считал, что в основе татарской культуры лежит городская составляющая, основанная на богатой и многовековой истории, опыте собственной государственности. Он видит проявления городской культуры и в быту народа, фактами доказывает его стремление к богатой и красивой жизни.

Ученый не оставляет без внимания и влияние ислама на духовное развитие народа. В своих трудах он доказывает, что ислам принес в татарский мир науку, просвещение, культуру и традиции Востока. Деятельность учёного многогранна, полёт его мыслей, область исследований очень широк, а открытия и наблюдения довольно полемичны, но в основе своей, безусловно объективны... М.Г. Худяков, являясь признанным учёным-татароведом, особое внимание уделял проблемам развития татарской культуры. В этой связи большой интерес представляют взгляды ученого по вопросам культурного диалога и взаимодействия коренных народов края, а также культурного влияния татар и татарских государств на российскую культуру в целом.

М.Г. Худяков обращает внимание на хорошо развитую административную структуру государства у татар, сеть казенных учреждений со значительным штатом образованных должностных лиц, с отлаженной, функционирующей системой суда и податных учреждений. Он отмечает, что в Казанском ханстве мало было каменных крепостей, как в Московском княжестве, не было златоглавых церквей, но зато были изукрашенные нарядными арабесками мечети с высокими островерхими минаретами, имелись ярко расписанные хоромы князей и купцов. Это говорит о том, что татарский народ отличался богатой культурой и зажиточной жизнью.

Несмотря на переезд в 1925 г. М.Г. Худякова из Казани в Ленинград, у него на протяжении второй половины 1920-х – первой половины 1930-х гг. оставался устойчивым интерес к жизни и культуре татар, он поддерживал личные контакты с казанскими учеными. Велик и вклад Худякова в популяризацию и пропаганду историко-культурного наследия татарского народа. Но одной из наиболее важных исследовательских задач, поставленных и решенных ученым еще в казанский период творчества, на наш взгляд является то, что он впервые исследовал и проанализировал культурное влияние татар и татарских государств на российскую культуру в целом. Эти процессы были обстоятельно рассмотрены в «Очерках...», а затем углублены и конкретизированы в других научных работах.

Важнейшим объединяющим фактором, по мнению М.Г.Худякова была естественная географическая близость. Действительно, Казанское ханство и Российское государство долгое время общей зоной контактов, общим пограничьем имели рубежи великой реки Волги. Эта смежность повлияла и на культуры обоих народов. Помимо косвенного влияния татарского ханства на внутреннюю жизнь русского государства, выразившегося в упразднении вечевого устройства, в создании и укреплении московского централизованного государства, ученый отмечает и черты непосредственного заимствования русским народом культурных приобретений и достижений у своих восточных соседей. Положительным влиянием татарской культуры на русскую, Худяков считает появление у русских сбора ясака, а также отмечает влияние татарской архитектуры, татарского устройства государства.

«С основами государственной культуры русские познакомились через татар: впервые население было взято на учет посредством переписей, принудительная система податей, налогов, пошлин не оставляла желать ничего лучшего по точности своего применения. Поголовные переписи населения, впервые введенные в России татарами, требовали огромного кадра хорошо грамотных опытных чиновников в этом сказались традиции китайской культуры, и ничего подобного не могла себе представить старая дотатарская Русь, где грамотность существовала лишь среди духовенства, купцов и великих князей» [Худяков: 1923. С. 129].

Вопрос о влиянии татарской культуры на государственное строительство, жизнь и быт населения Московской Руси в последнее время становится предметом все новых исследований, но следует признать, что М.Г.Худяков впервые поставил вопрос о необходимости комплексного изучения взаимовлияния культур [См. напр.: Хакимов: 1999]. М.Г.Худяков доказывает разностороннее, в основном положительное влияние татар на жизнь русского народа в разных ее областях.

М.Г.Худяков приводит многочисленные примеры прямых заимствований аналогов в различных сферах и областях государственной и частной жизни. Так, он считал, что термин «хан» послужил толчком для появления термина «царь», термин «углан» для рождения термина «боярские дети» и видит похожесть этих терминов. Он доказывает воздействие «курултая» на появление «земского собора»: «В России земский собор появился накануне падения Казанского ханства, а нельзя не обратить внимания на тождество состава первых земских соборов и курултая. «Стоглав 1551 г. был соединением «властей» (духовенства), «санклита» (боярские думы) и представителей воинства», а в курултае также участвовали духовенства, князья и огланы».

Судебное производство Российского государства по мнению М.Г. Худякова, также было калькой с аналогической судебной системы татарских государств: «Письменное делопроизводство, огромные переписи всего населения все это решительно устраняет обычное представление о татарах, как о полудиких кочевниках. Мы уже видели какое громадное потребление бумаги было в Ногайском княжестве оно, разумеется предполагает развитое делопроизводство и хорошую грамотность» [Худяков: 1923. С. 232.]. М.Г. Худяков пишет о заимствовании русскими у татар слов, связанных с государственным устройством: баскак, тамга, казна, таможня, караул, ярлык, ям, ямщик и т. д. Специально останавливается на влиянии военного дела у татар на развитие российских вооруженных сил [См. напр.: Измайлов: 1995. С. 135–139.].

Знаковым является влияние татар в области дипломатии. В доказательство этого тезиса М.Г. Худяков опирается на оценки профессора Виппера и утверждает: «Первые дипломатические сношения московскому государству пришлось вести исключительно лишь с татарами, и у кого же им было учиться дипломатическому искусству, как не у татар? Кто знаком с примерами татарской торговли, тот легко разгадает, откуда взялись черты дипломатов, приведенные профессором Виппером критика, начетническая ученость, ирония, хитрость: все это применяют восточные покупатели, когда прицениваются к товару, как продавцы. Недаром, на западноевропейцев московская дипломатия производила всегда впечатление, чисто восточной, не европейской» [Худяков: 1923. С. 233].

Много примеров прямых заимствований и взаимовлияния М.Г. Худяков обнаруживает в традиционной культуре двух народов. Например, смотрины, рассыпание денег во время свадьбы, поклон перед большими начальниками и т. д. Наличие татарских слов в русском языке М.Г. Худяков доказывает конкретными примерами: «Следы многочисленных культурных влияний на русскую жизнь татары оставили в языке. От них перешло множество слов, относящихся преимущественно к торговле и домашнему обиходу, в частности к предметам роскоши и комфорта. В области торговли русские заимствовали у татар слова: алтын, амбар, аршин, базар, бакалея (молочная торговля), балаган, балчуг (рыбный базар), барыш, батман, деньга, караван, кощей, лабаз, майдан, маклак (посредник), магарыч (угощение) и т. п.

Татары познакомили русских с некоторыми принадлежностями костюма, тканями и ювелирными украшениями: башлык, башмак, бешмет, кiset, кошель, кушак, архалук, гайтан, япанча и т. п., атлас, бахта (вата), бязь, кайма, камка, капаус, канифас, кармазин, кумач, сафьян и т. п., аймаз, басма, бирюза, жемчуг, капторга и т. д. В военном деле татары дали

названия: атаман, есаул, казак, богатырь, ертоул, кремль, бактерец, кинжал, кобура и т. д. В скотоводстве – аргамак, аркан, буланый, караковый, отара (стадо овец) и т. д.» [Худяков: 1923. С. 233–234].

Татарское влияние в русском искусстве не раз отмечалось исследователями. Струя болгаро-татарских влияний, шедшая в Россию из Волжской Булгарии, по всей вероятности, осталась главным проводником восточных мотивов и в эпоху Казанского ханства, с которым русские были связаны экономическими и бытовыми интересами гораздо теснее, чем с какой-либо из татарских ханств.

Влияние татарского искусства на русское, в зависимости от эпохи, имело свои особенности. Особенно значимыми были два периода, когда восточные мотивы интенсивно впивались в Московское зодчество. Это первая половина и середина XVI в. (правление Василия III и начало царствования Ивана IV) и вторая половина XVII в. (царствование Алексея Михайловича)».

В области архитектуры М.Г. Худяков приводит примеры культового строительства, когда храмы строились по образцу и подобию татарских мечетей: «Достаточно взглянуть на минареты деревенских мечетей Казанского края и сравнить их с изображениями северо-русских шатровых колоколен, чтобы убедиться в единстве их происхождения. От минаретов русские колокольни отличаются более грубыми пропорциями срубов и шатров, и это доказывает, что образцами служили мечети, изящества которых не сумели достигнуть иностранные подражатели» [Худяков: 1923. С. 289].

М.Г. Худяков говорит о вероятности появления теремов, вследствие татарского влияния, считая, что сходство шатровых колоколен с домовыми теремами справедливо лишь постольку, поскольку терема являются также заимствованными у татар. Застекленные вышки, светелки и висячие переходы татарских домов действительно более всего напоминают старинные терема, да и сам обычай изолировать женщин в теремном заключении считается заимствованным русскими у татар, так что причина, обусловившая возникновение этой формы в русской зодчестве, указывает на Восток.

Отличительная черта татарского искусства, любовь к полихромии, также нашла себе применение в русской архитектуре данной эпохи. Как раз в это время разноцветная окраска внешних стен зданий получает распространение в московском зодчестве. М.Г. Худяков отмечает, что излюбленные татарами цвета, зеленый и желтый, играют видную роль в окраске как Дьяковской церкви, так и храма Василия Блаженного. Изразцы на шатре этого храма также зеленого и желтого цвета. К татарскому со-

четанию цветов, зеленому с желтым, примешивается еще красный – натуральный цвет кирпича, заменившего в русской архитектуре белый камень татарского зодчества.

В 1529–1562 гг. в русском государстве строится множество церквей на основе восточной архитектуры. Они остаются в истории, как «не имеющие себе равных до этого времени». Почему «не имеющие себе равных»? Потому что их не было в традиционной русской архитектуре. Очевидно, что некоторые строительные формы были в той или иной форме привнесены в качестве образцов из архитектурного наследия других народов и культур.

Вот что пишет по этому поводу М.Г. Худяков: «Очевидно, что появление мусульманских форм в русском зодчестве было встречено с восторженным удивлением и возбуждало необычное восхищение. Проводником восточных влияний был сам великий князь Василий III. [...] Венцом татарского влияния в русской архитектуре может считаться храм Василия Блаженного в Москве, сооруженный в память покорения Казани» [Худяков: 1923. С. 291].

М.Г. Худяков сравнивает этот храм с Казанской 8-минаретной мечетью Кул-Шэриф (при этом он обращается и к работе Ш. Марджани) и указывает на факт отсутствия главного фасада, составляющего характерную черту татарского зодчества в композиции собора Василия Блаженного. Одним из аргументов становится указание, на тот факт, что строителем храма являлся архитектор Посник Яковлев, которому было поручено сооружение каменной крепости в покоренной Казани, и который мог, таким образом, на месте ознакомиться с памятниками казанской архитектуры. Эти гипотезы М.Г. Худякова впоследствии стали поводом для углубленного изучения, осмысления и научной полемики [См. Халитов: 1999. С. 163–165; 1989. С. 59–64; Айдарова: 1997. 48 с.].

При внимательном исследовании выяснилось, что церковь, построенная в память завоевания Казанского ханства, имеет ярко выраженный характер мусульманского зодчества. Русское правительство отчетливо выразило идею подчинения татарского государства России, подобно тому, как оно практиковало перенесение в столицу из присоединенных уделов всех местных святынь и реликвий. Воспроизводя формы главной мечети в виде православного храма, правительство создавало тем самым наглядную эмблему подчинения мусульманской страны христианской державе, как бы заставляло мусульманское искусство служить христианской религии, и тем осуществляло двойную, художественно-политическую идею слияния татарского Востока с Россией.

Говоря о взаимовлиянии культур, нельзя не остановиться на работах М.Г. Худякова, в которых он говорит о культурных связях коренного на-

селения края. В статьях Малмыжского цикла, он указывал на значение изучения процессов культурной ассимиляции, опираясь на различные данные, в том числе и материалы топонимии. В частности, говоря о мари-ской культуре, он отмечал, что «географические названия дают нам понять, какое важное значение для черемис пред русским завоеванием имела татарская культура. Черемис входил в состав Казанского ханства и целый ряд источников свидетельствует нам о постепенном подчинении их мусульманской культуре. Мы видим среди черемисских князьков и баев преобладание татарских имен, напр. Балтуш, Тактуш, Иш, Дер-Иш, Мамаш-Ир, Алты бай, Ян-Гильди, Янгуш, Ян-Табай, Ак-Бай, Ак-Батур и т. п.» [Труды Малмыжского: 1925. Вып. VII. С. 3].

Худяков говорит о частых визитах малмыжских князей в Казань, их обучение там, заимствование ими татарского образа жизни: «Инструкторами в черемисских войсках были татарские уланы. [...] Мы знаем о верности Балтуша татарам и об упорной борьбе, с которой он сопротивлялся завоевателям Казанского ханства. Восточная часть Казанского ханства Малмыжское княжество было тесно связано с татарами и в экономике, и в культурных «отношениях» [Труды Малмыжского: 1925. Вып. VII. С. 7]. Тетрадь под названием «Праздничные обряды», хранящаяся в рукописном виде в Малмыжском краеведческом музее, также содержит в себе множество легенд, топонимов, историй сел и деревень, имен людей, наименований родов и даже названия сел, рек, озер, лесов.

М.Г. Худяков является одним из основоположников научного финно-угроведения. Его перу принадлежат значительные и многочисленные исследования по истории, материальной и духовной культуре мари, удмуртов, чувашей и мордвы. Он изучает богатую археологию, верования, образ жизни, фольклор этих народов, еще раз подтверждает их автохтонность на территории Среднего Поволжья. Древний и многообразный мир финно-угров, по мнению ученого, оказал мощное воздействие на славянский и тюркские этносы, и одновременно, приобрел специфические черты под влиянием ислама и христианства.

Таким образом, многогранное научное наследие М.Г. Худякова не только сыграло большую роль в развитии российских гуманитарных знаний в XX в., но и по-прежнему остается важной, актуальной частью современной отечественной историографии. Личность ученого является примером подлинно русского интеллигента, который жил, творил и умер за правду, за права народов, населяющих многонациональную страну.

Нельзя не согласиться со справедливым мнением историков о том, что изучение творчества М.Г. Худякова, публикация его неизданных и переиздание ряда его трудов, вышедших в свое время небольшими тиража-

ми, еще только начинается. Ускорить всемерно этот процесс – наш долг перед светлой памятью Человека и Ученого, успевшего сделать невероятно много за столь короткую жизнь [Гришкина: 2004. С. 24].

Литература

1. Айдарова Г.Н. Взаимодействие культур в архитектурно-градостроительном развитии Среднего Поволжья середины XVI – начала XX веков: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. архит. – М., 1997 – 48 с.
2. Гришкина М.В. М.Г. Худяков – историк Волго-Камского края // Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 110-летию со дня рождения М.Г. Худякова. – Казань, 2004. – С. 24.
3. Измайлов И.Л. Вооружение Казанского ханства (XV–XVI вв.): К постановке проблемы // Заказанье: проблемы истории и культуры. Материалы конференции. – Казань, 1995. С. 135–139.
4. Труды Малмыжского музея местного края. Рукописный журнал. – 1925. – Вып. VII. – январь–март.
5. Хакимов Р.С. История татар и Татарстана: методологические и теоретические проблемы. – Казань, 1999. – 43 с.
6. Халитов Н.Х. Архитектура ханской Казани: Гипотезы. Факты. Размышления. – Казань, 1999. – С. 163–165.
7. Халитов Н.Х. Храм Василия Блаженного – памятник завоевания Казани // Архитектура и искусство Ближнего и Среднего Востока. – Баку, 1989. С. 59–64.
8. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. – Казань, 1923. С. 129.

ТОБОЛЬСКАЯ МЕЧЕТЬ – ПАМЯТНИК МУСУЛЬМАНСКОГО ЗОДЧЕСТВА

Мы живем, трудимся и учимся в городе Тобольске, у которого замечательная история. Здесь живут дружно много национальностей и татары занимают по численности второе место после русских. Тобольск и окружающие его территории – это музей под открытым небом. Город делится на две части: Нагорная и Подгорная. Учёный-исследователь Н.А. Абрамов сообщает, что во времена татарского владычества в Сибири гора называлась Алафейскою. Название Алафейская, или по-татарски Алафгалы, означает «коронная» (хану принадлежащая). В нагорную часть можно попасть по Никольскому взвозу (автобусом или пешком) и по Прямо́скому взвозу пешком по древней отреставрированной лестнице в 215 ступеней. В городе есть действующие православные храмы, один польский костел и две мечети, одна новая мечеть в Нагорной части, другая, старинная – в Подгорной части.

Тобольская мечеть

Сейчас под Татарской слободой подразумевается часть Нижнего посада, расположенная за Абрамовским мостом. В ней еще сохранились памятники истории и архитектуры конца XIX – начала XX вв., связанные с именами людей, внесших огромный вклад в культуру татарского народа.